

Генезис диалектической связи права и социальной теории. Трансформация социального — от права к власти

А.А. Ковалев¹, В.Л. Мрочко²

¹Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

²Институт образовательных технологий и гуманитарных наук

kovalev-aa@ranepa.ru

Автор проводит параллель между социально-правовыми и юридическими исследованиями. Используя законы логики и достижения мыслителей XIX—XX веков, автор анализирует взаимодополняемость права и социального, в которой социальное создает свою юрисдикцию, а структуру социального обеспечивает право. Рассматривая интеграцию правового плюрализма в социальную теорию, показывая атрофию социального, текучесть систем мышления и теорий общества в эпоху постмодернизма, согласно исследованиям ведущих теоретиков, автор обозначает вопросы о пересмотре природы и сферы действия права, о противопоставлении права и управления. Отмечая устойчивость правового института к сложным обществам в современных теориях, автор приходит к выводу о конгруэнтности права и морали в социальной системе.

Ключевые слова: социальная теория, право, социальное, управление, власть, аутопоэз, мораль, общество, постмодернизм, текучесть социального, кодифицированное право, системы коммуникации, трансформация социального.

The Genesis of the Dialectical Connection of Law and Social Theory. Transformation of social — from right to power

A.A. Kovalev¹, V.L. Mrochko²

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

²Institute of Educational Technologies and Humanities

kovalev-aa@ranepa.ru

The author draws a parallel between social and legal studies. Using the laws of logic and achievements of thinkers of XIX — XX centuries, the author analyzes the complementarity of law and social, when social creates its jurisdiction, and the law provides the structure of social. The integration of legal pluralism into social theory is considered, the atrophy of social theory is shown, as well as the fluidity of thinking systems and theories of society in the post-modern era, according

to research by leading theorists. The author designates questions about the revision of the nature and scope of law, about the opposition of law and governance. Noting the stability of the legal institution to complex societies in modern theories, the author concludes the congruence of law and morality in the social system.

Социальная теория утверждает, что философский анализ, размышления об историческом опыте и систематические эмпирические наблюдения за социальными условиями могут быть объединены воедино для целостного объяснения природы общества. Взгляды социальных теоретиков на право окрашены этим синтезом философских, исторических и чисто эмпирических воззрений. Побочным продуктом социальной теории часто выступала оценка возможностей, пределов, условий существования права и источников его авторитета и власти.

Социальная теория была призвана противостоять узкому научному эмпиризму, социально-правовые исследования должны были выйти за пределы метода детализации права. Привлекает внимание то, что теоретические воззрения в области права были гораздо шире юридических знаний. Этим фактом объясняется причина интереса ученых-юристов ко многим социальным теориям. Более того, периодически планировалось расширение социальных перспектив в области права. Но это обуславливало риск: излишне широкая перспектива зачастую утрачивает богатство и специфику конкретного опыта или практики чисто юридического характера. Несмотря на заявления о полезности социальной теории для юридических исследований и на большую степень концентрации правовых идей в классической социальной теории, связь между юридическими исследованиями и социальной теорией обычно была слабой.

Социальные теоретики часто сомневались в том, достаточно ли право идентифицируемо как отдельное социальное явление и заслуживает ли оно особого рассмотрения в любой теории социального. Можно ли большую часть того, что необходимо проана-

лизировать, рассматривать с точки зрения права, а именно с использованием таких понятий, как: административное действие, государственное принуждение, социальные нормы, социальный контроль, идеология, взаимность, соответствие и отклонение, бюрократические нормы? Право как кодифицированная совокупность законов, возможно, не нуждается в теоретизировании — это можно было бы оставить юристам-практикам для их собственных целей. В этом случае термин «право» остался бы для социального теоретика лишь свидетельством наличия здравого смысла. Термин мог бы с пользой обозначать группы явлений, подлежащих теоретическому объяснению без существенной ссылки на него.

Однако право как идея божественной справедливости, неразрывно связанная с моралью, неизбежно становится предметом анализа теории и философии права, а также этики. В любом случае идентичность права и его значение существенно различаются в разных обществах. А в общих концепциях или определениях права преобладают юридические представления, в которые большинство социальных теоретиков не стремились «вторгаться».

Социальные теоретики редко принимали радикальные изменения концепции права, связанные с тем, что сегодня называется социальным правовым плюрализмом. Правовой плюрализм в этом смысле прямо отрицает универсальную адекватность юридических концепций права и использует некоторые более широкие концепции права, которые могут охватывать, в различных аналитических целях, явления, не признаваемые юристами в качестве правовых, например, частные или «неофициальные» системы норм различного рода. Среди крупных социальных

теоретиков только Георгий Гурвич, правовед и социолог-позитивист, выделяется тем, что он радикально отверг юридические концепции права в пользу сложной, полностью разработанной теории правового плюрализма, интегрированной им в более широкую социальную теорию [1]. Примечательно, что в основу этой позиции Гурвича легли его ранние социально-правовые и философские исследования. Поэтому его взгляды не должны пониматься как побочный продукт общей социологической теории, созданной им позднее.

Действительно, в отличие от социальных теоретиков, именно те ученые-социологи чаще всего разделяют плюралистические правовые взгляды, для которых право является центральным элементом их исследовательской карьеры и которые склонны единым предметом исследования полагать «право и общество», а себя называть «социолого-правоведами». Но многие социолого-правоведы довольствовались общими положениями социальной теории, отдавая дань уважения широким понятиям права, какие можно найти в классической социальной теории, а в остальном главным образом используя «право» в качестве прагматического термина для кластеров социальных явлений. Эти явления анализируются в терминах, формирующих систему понятий в соответствующих социальных науках.

Подобно тому как социальная теория имеет тенденцию избегать понятия права при рассмотрении большинства социальных явлений, юристы и правоведы в основном избегают социальной теории. И, конечно, с точки зрения юриста, полезность социальной теории может быть неочевидной. Поскольку социальное можно рассматривать как то, которое само право создает как свою собственную юрисдикцию, а структуру социального явления — как регулятивную структуру, которую обеспечивает право. В этом смысле социальное является само собой разумеющимся локусом и средой юридической

практики. И, несомненно, что юристу право кажется бесконечно изобретательным в определении и регулировании области его влияния и установлении характера регулируемых им отношений: социальное — это то, что право трактует как таковое.

Соответствующие изменения в отношении права и правовых исследований, с одной стороны, и социальной теории — с другой, часто были связаны с идеей трансформации модерна и его постепенной смены постмодернизмом. Приставка пост- подразумевает, что новое может быть понято только как связанное и в некотором смысле дополняющее или реагирующее на то, что предшествовало ему, но также это новое означает и то, что черты современности теперь могут быть отождествлены с окончательностью так, что последующее отличается от них.

Согласно знаменитому изречению французского философа Жана-Франсуа Лиотара, наиболее глубоким примером постмодернизма является утрата веры в «великие повествования» (нарративы) в текущем, быстро меняющемся, интенсивно вопрошающем себя и неопределенном (западном) мире. Идет наступление «новой эпохи радикального отсутствия корней и господства сомнений» [2]. Это относится не только к теоретически разработанным системам мышления, таким как марксизм и основные мировые религии, но и к общим теориям общества, полагаящим его как устойчивую, всеобъемлющую целостность, а также относится к политическим идеологиям всех видов и к самой идее науки, выделяющей ее как исключительно прогрессивное познание, раскрытие истины. Результатом этого является привилегированность частного, «местного знания», а также осознание провала, или бессмысленности, всех попыток широко и концептуально обобщить социальные изменения, или социальные явления. Ведущей в таких обстоятельствах может быть тенденция к полному отказу от социальной теории. Новый акцент на локальном и специфическом,

на нестабильности социальных структур и институтов, на волнующей, или пугающей, пустоте корней индивидуальной жизни ставит под сомнение целесообразность рассмотрения общества как объекта, в достаточной мере поддающегося теоретизации. Диалектика порядка/изменения и структуры/организации в традиционном социологическом анализе общества, по-видимому, не отражает того состояния радикальной текучести, которое постмодернистская мысль связывает с современным человеческим сосуществованием в наиболее высокоразвитых странах мира [3; 4].

Мысль о том, что ныне уже бесполезно теоретизировать по поводу общества, иногда приводит к более общим, но весьма непрозрачным утверждениям о «смерти социального» [5]. Сценарий «конца света» здесь заключается в том, что социальная теория утрачивает целостность, потеряв свой объект. Она заменяется множеством конкурирующих дискурсов, в особенности — литературными, феминистскими, психоаналитическими, экономическими и культурными теориями, которые фокусируются на человеческих отношениях, больше не рассматриваемых в терминах общей концепции социального.

Можно также упомянуть и о более конкретных суждениях, имеющих непосредственное отношение к судьбе права. Иногда утверждается, что социальное исчезает как специфическая первичная сфера государственного вмешательства, и понятия, связанные с социальным, такие как социальная работа, социальное обеспечение, социология и социализм, теряют престиж [6; 7]. Следующее утверждение состоит в том, что социальное как поле, отличное от политического, атрофируется [8]. С одной точки зрения, социальное стало просто массой населения, молчаливой и инертной, уже не активным источником политической энергии, а пассивным реципиентом правительственных действий. Вследствие этого, как представ-

ляется, правовые новации вряд ли могут быть направлены на поиск эффективной легитимации, а напротив, ведут порой к закабалению личности и созданию полицейского государства.

С другой точки зрения, индивидуализация образа жизни ставит под сомнение стабильность многих социальных институтов, но зато создает беспрецедентные возможности для радикального переустройства социального посредством спонтанного выбора индивидов — позиции в отношении к их собственной жизни. Возникают новые возможности для трансформирования политики. Ее фокус смещается в сторону местного и личного, но также, что очень важно, и в сторону глобального, как и во многих других областях окружающей среды, в безопасности и здравоохранении. При этом функцию широкого разделения выполняют национальные границы.

Между тем политика в национальных государствах имеет тенденцию к вымиранию именно как традиционно публичная сфера [9]. Действительно, в обновленной политике эпохи глобализации обыденные границы между государственным и частным, а также национальным и глобальным могут в конечном итоге стать бессмысленными. Как представляется, для правовых исследований значимо то, что исследовательский горизонт и соответствующие методы регулирования изменяются кардинальным образом.

Задача этого теоретизирования, конечно, не в том, чтобы лишить «социальное» категориального статуса. Действительно, многие теоретики, в том числе известный французский философ и социолог Жан Бодрийяр, некогда драматически объявивший о гибели социального, — все же продолжали ссылаться на общество без видимого смущения [10]. Для юридических исследований значение этих работ существенно, поскольку они показывают, что природу социального нельзя считать беспроблемной. Право может определять социальное так, как оно его

регулирует, но оно делает это в условиях, которые делает возможными само социальное. Право предполагает концепцию социального, которое определяет не только чисто техническую юрисдикцию, но и сферу, где вмешательство права требует рациональной интеграции, а также общий источник легитимации и культурных смыслов. Отсюда следует, что по мере того как ставятся под сомнение идентичность, согласованность и форма социального, ставятся под сомнение также предположения о природе и эффективности права.

В современной социальной теории деятельность французского философа Мишеля Фуко представляет собой один из важнейших инструментов для пересмотра природы и сферы действия права с точки зрения фундаментальных долгосрочных изменений в характере социального [11]. Работы Фуко описывают процессы, обуславливающие возникновение новых видов знания и власти, причем содержание одной работы усиливается содержанием другой в целях создания модели того, что Фуко называет дисциплинарным обществом. Тюрьма, психбольница, школа, медицинская клиника и другие институциональные объекты были основными центрами постепенного формирования групп знаний/власти, в которых технические нормы, опыт, профессиональная подготовка и надзор объединяются для регулирования численности населения и определения места отдельных лиц как автономных, ответственных субъектов. Вот так трансформировалась великая формула Нового времени, рожденная Ф. Бэконом, — «Знание — сила». Латинское *potentia*, как и английское *power*, означают не только «силу», но и «власть».

В лекциях, прочитанных в конце своей карьеры, Мишель Фуко подробно описал общее влияние своих ранних исследований на современное право. Он резко противопоставил величие права «искусству управления», сосредоточенному на управлении социальной жизнью [12]. Право, по его мне-

нию, является выражением суверенной власти: самое важное в нем то, что оно требует повиновения и требует, чтобы все оскорбления суверенитета, который оно воплощает, были наказаны. Следовательно, сущность права — это принуждение. Здесь воззрения Фуко, по сути, совпадают с марксистскими представлениями.

Фуко противопоставляет праву «случайное или прерывистое вмешательство в общество». Такое вмешательство он рассматривает как «тип власти, который является дисциплинарным и непрерывно регулирующим и который всепроникающе, интегрально воздействует на общество» [13]. Это автономная, экспертная форма управления, ориентированная конкретно на регулирование экономики и управление населением и опирающаяся на «многоформную тактику» и ряд методов, экспертных знаний и информацию, объединенных только необходимостью «мудрости и усердия».

Мишель Фуко называет эту всепроникающую регулирующую деятельность «правительственностью», а не государством. Он подчеркивает этим, что она выходит за узкие привычные рамки, и использует гораздо более широкий спектр методов, чем правительство в обычном политическом смысле. Сфера этой деятельности не ограничивается тем, что обычно относится к общественной жизни, но охватывает все аспекты жизни. Тем не менее становление государственности знаменует собой этап в развитии государства — от *государства справедливости* и права, через *административное государство* регулирования и дисциплины, организованное территориально, к *конституционному государству*, которое нацелено на обеспечение безопасности и «по существу определяется уже не с точки зрения его территориальности, но с точки зрения массы его населения с его объемом и плотностью...» [14].

Примечательно, что судьба права остается неясной. Возможно, в конечном счете именно юристы и социолого-правоведы

должны разобраться в этом. Этапы развития государства кумулятивны, так что в конечном итоге правовые, административные и правительственные формы государства существуют. Некоторые авторы считают, что в суждениях Фуко право постепенно заменяется техническими и дисциплинарными нормами, и обвиняют его в том, что он предлагает узкий взгляд на право, по-видимому, игнорируя его современный объем и характер [15]. Другие утверждают, что Фуко хорошо понимает природу и сферу действия права в современном обществе и лишь рассматривает его прошлое нормативное превосходство как подорванное [16]. Его суждение, несомненно, состоит в том, что право было низведено от своего великодержавного суверенного статуса до скромного положения — наряду со многими другими методами регулирования. Оно стало рассматриваться порой как не более чем тактика правительства, которую можно использовать или же не использовать — в зависимости от обстоятельств. Следовательно, Фуко предвидел неутешительную, предосудительную тенденцию современного глобализирующегося общества.

Неоднозначные выводы Фуко показывают, что изменение образов социальной теории дестабилизирует устоявшиеся представления о праве, указывая на новые концептуализации в разных направлениях. Широкая, ослабленная концепция права представляет его метаморфозы в различных регулятивных стратегиях, формах и тактиках, отражающих текучесть, случайность и неопределенность социального. Право может показаться неопределенным аспектом целого ряда управленческих тактик, применяемых в различных контекстах.

В связи с этим возникают новые объединяющие принципы, ориентированные, например, на контроль рисков — с тем, чтобы риск стал основной категорией в осмыслении нормативных последствий чрезвычайных обстоятельств. Представление о риске

или расчет риска затем могут рассматриваться как сигналы для своевременного предупреждения или, далее, для приведения в действие регулирующих процессов и должного обеспечения их направленности. Кроме того, эти инструменты контроля рисков могут быть объединяющими точками для политических и юридических действий.

Напротив, концепции права, которые в той или иной мере подчеркивают его автономию или особую самобытность, а не тактическую гибкость, могут рассматривать право как находящееся в кризисе, перегруженное регулятивными задачами, для которых оно совершенно непригодно. Вместе с тем они могли бы выделить в качестве примечательного тот факт, что даже в таких сложных условиях правовая система справляется с задачами: продуцирует правила и решения, несмотря на постоянное расширение разнообразия социальной жизни и быстроту изменения социальных систем.

Теория аутопоеза, разработанная как форма социальной теории немецким социологом Никласом Луманом, может рассматриваться в этом контексте как чрезвычайно изобретательный способ концептуализации уникального явления, а именно: как право справляется с изменениями в природе социального, не теряя при этом своей особой идентичности и становясь, как представляется Фуко, просто частью континуума регулятивных тактик [17]. Теория аутопоеза стремится объяснить, как право сохраняет отличительный характер и стабильность в сложных обществах. Одновременно эта теория затрагивает все возрастающий круг проблем, порождаемых текучестью и сложностью современного социального бытия. Эта теория также дает предположительный ответ на вопросы: почему «правовые интервенции» часто приводят к непредвиденным и непреднамеренным социальным последствиям и почему право, как представляется порой, упорно не реагирует на требования, периодически возникающие в социальном бытии.

В формулировке Никласа Лумана право когнитивно открыто, но нормативно закрыто, поскольку является аутопоэтической (самонаблюдающей, самопроизводящей и самовоспроизводящейся) системой коммуникации [18]. Это означает, что, как и другие социальные системы, рассматриваемые как коммуникационные, такие как экономика, государство и наука, право обязательно открыто для информации из своей среды. Но, равным образом, оно применяет эту информацию только в своих собственных дискурсивных терминах. Право обрабатывает информацию исключительно в целях действительного применения своего уникального нормативного кодирования, легального/нелегального, в соответствии с которым должны приниматься все решения. Аналогичным образом другие системы интерпретируют правовые нормы и решения с точки зрения их собственных системных кодировок, например, критериев эффективности/неэффективности в случае экономической коммуникации.

Теория аутопоэза ясно рисует право в том виде, в каком оно часто представляется юристам, — как самодостаточный и самопорождающий дискурс, лишенный цикличности в рассуждениях и призывах к авторитету. Теория показывает, как право может действовать таким образом, и объясняет социологически, почему оно это делает. Теория утверждает, что возрастающая сложность социального порождает в эволюционном процессе постепенную дифференциацию общества на ряд специализированных систем коммуникации, одной из которых является право. Правовая система не трактуется в терминах правил и институтов — как, например, в более ранней теории социальной дифференциации Талькотта Парсонса, рассматривающей право как ответ на сложность социального бытия, — а определяется в ее отличительном дискурсе законности и незаконности [19].

Следовательно, право может пронизывать пространство социального. В качестве

дискурса способ аутопоэза правовой системы может существовать везде и всюду, и определение вопросов именно как правовых может происходить в контекстах, не ограниченных формальными правовыми институтами национального государства. Таким образом, теория аутопоэза может вместить идею возникновения «глобального права без государства», или мысль о присутствии права в частных сферах, которые социальные теоретики определили как современную сферу новой политики и трансформации социального [20]. Все это граничит с социальной фантастикой и не совсем здоровым утопизмом.

Тем не менее теория страдает, как указывали многие критики, от почти непроницаемой абстракции [21; 22]. Теория аутопоэза является одним из самых сложных вкладов в социальную теорию и имеет свои правовые последствия. Эта теория мало что объясняет в том, каким образом аутопоэзное право будет на самом деле реагировать на то, что социальное может породить в качестве проблем, подлежащих регуляции. Право всегда будет стремиться решать эти вопросы со своей собственной точки зрения, используя свои собственные дискурсивные ресурсы.

Для Лумана вопрос о легитимности права был заменен вопросом о его функциональной эффективности: может ли право эффективно выполнять свою социальную задачу выработки решений в соответствии со своими собственными критериями законности/незаконности. Но кто-то все же может спросить, каким способом функциональный успех должен оцениваться и как признаваться. На самом деле, многие современные социально-теоретические труды борются с вопросами об *основаниях* права, конечных основаниях власти или легитимности [23].

Прежние вопросы о правовых основах власти или легитимности остаются важными, поскольку кажется, что социальное становится все более *глобализованным*, до тех пор пока не будет принята точка зрения, подобная точке зрения Лумана, предполагающая,

что успешное функционирование права — это все, что имеет значение. Даже если функция — это все, то в любом случае необходимо спросить, какие конечные условия могут обеспечить выполнение регулятивных функций закона.

Представитель интеракционизма Ю. Хабермас пишет, что принудительное право «может сохранять свою социально интегрирующую силу лишь постольку, поскольку адресаты правовых норм могут понимать самих себя, взятых в целом, как рациональных авторов этих норм» [24]. Какой бы точки зрения ни придерживались его идеи коммуникативной рациональности, это повторное изложение старой проблемы приобретает новую актуальность, по мере того как право выходит за пределы национальных границ, а национальное правотворчество в целом рассматривается как движимое транснациональными силами.

Таким образом, делая вывод об идентифицируемости права как отдельного социального явления, важно заметить, что если из кодифицированного права исчезнет идея справедливости, то современный процесс дегуманизации и духовной деградации завершится созданием бездушных полицейских государств. Социальное возникло раньше государства, как и мораль — более ранняя форма общественного сознания, нежели право. Мораль базируется на идее справедливости, как и право — в широком понимании. Право в узком понимании — как совокупность кодифицированных норм — может противоречить идее справедливости и даже быть губительным для социального бытия.

Ныне право и мораль являются неизбежными и неотъемлемыми компонентами социального бытия. Рассмотренные в этой работе мыслители предвидели многие сюжеты и коллизии современной истории и магистральные линии развития права и государства. Их выводы могут и должны рассматриваться как некий механизм предупреждения, дающий современному человечеству

целостное знание о рисках трансформации социального.

Литература

1. *Gurvitch G.* Sociology of Law. Transaction Publishers, 1973. 314 p.
2. *Lyotard J.-F.* Postmodern Fables. U of Minnesota Press, 1999. 272 p.
3. *Lochhead J., Auner J.* Postmodern Music/ Postmodern Thought. Routledge, 2013. 350 p.
4. *Linstead S.* Organization Theory and Postmodern Thought. SAGE, 2004. 188 p.
5. *Lavelle A.* The Death of Social Democracy: Political Consequences in the 21st Century. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 234 p.
6. *Байматов П.Н.* Правовые основы механизма реализации конституционного права на социальное обеспечение в Российской Федерации: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 176 с.
7. *Attarian J.* Social Security: False Consciousness and Crisis. Routledge, 2017. 411 p.
8. *Carney T.* Social Security Law and Policy. Federation Press, 2006. 237 p.
9. *Блинова Е.А., Грибанова Г.И., Елусеев С.М.* Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект пресс, 2018. 347 с.
10. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006. 268 с.
11. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 207 с.
12. *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими. II: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014. 357 с.
13. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 575 с.
14. *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 543 с.
15. *Русаков С.С.* Археология власти Мишеля Фуко: монография. СПб.: Коновалов А.М., 2019. 184 с.
16. *Гашиков С.А.* История и рациональность: эпистема и история в работах Мишеля Фуко. СПб.: БГУ, 2018. 139 с.

17. **Luhmann N.** Theory of Society, Volume 1. Stanford University Press, 2012. 488 p.
18. **Luhmann N.** Introduction to Systems Theory. Wiley, 2012. 300 p.
19. **Parsons T.** Social System. Routledge, 2013. 636 p.
20. **Teubner G.** Critical Theory and Legal Autopoiesis: The Case for Societal Constitutionalism. Manchester University Press, 2019. 408 p.
21. **Teubner G.** Autopoietic Law — A New Approach to Law and Society. Walter de Gruyter, 2011. 388 p.
22. **Bakken T.** Autopoietic organization theory: drawing on Niklas Luhmann's social systems perspective. Abstrakt forlag, 2003. 299 p.
23. **Луманн Н.** Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
24. **Ahn I.** Position and Responsibility: Jurgen Habermas, Reinhold Niebuhr, and the Co-Reconstruction of the Positional Imperative. Wipf and Stock Publishers, 2009. 258 p.
4. Linstead S. Organization Theory and Post-modern Thought. SAGE, 2004. 188 p.
5. Lavelle A. The Death of Social Democracy: Political Consequences in the 21st Century. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 234 p.
6. Bajmatov P.N. Pravovye osnovy mehanizma realizacii konstitucionnogo prava na social'noe obezpechenie v Rossijskoj Federacii: monografija. M.: INFRA-M, 2019. 176 s.
7. Attarian J. Social Security: False Consciousness and Crisis. Routledge, 2017. 411 p.
8. Carney T. Social Security Law and Policy. Federation Press, 2006. 237 p.
9. Blinova E.A., Gribanova G.I., Eliseev S.M. Publichnaja politika: instituty, cifrovizacija, razvitie. M.: Aspekt press, 2018. 347 s.
10. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija: ego mify i struktury. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2006. 268 s.
11. Fuko M. Arheologija znanija. Kiev: Nika-Centr, 1996. 207 s.
12. Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi. II: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebno godu. SPb.: Nauka, 2014. 357 s.
13. Fuko M. Istorija bezumija v klassicheskuju jepohu. SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. 575 s.
14. Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebno godu. SPb.: Nauka, 2011. 543 s.
15. Rusakov S.S. Arheologija vlasti Mishelja Fuko: monografija. SPb.: Konovalov A.M, 2019. 184 s.
16. Gashkov S.A. Istorija i racional'nost': jepis-tema i istorija v rabotah Mishelja Fuko. SPb.: BGTU, 2018. 139 s.
17. Luhmann N. Theory of Society, Volume 1. Stanford University Press, 2012. 488 p.
18. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Wiley, 2012. 300 p.
19. Parsons T. Social System. Routledge, 2013. 636 p.
20. Teubner G. Critical Theory and Legal Autopoiesis: The Case for Societal Constitutionalism. Manchester University Press, 2019. 408 p.
21. Teubner G. Autopoietic Law — A New Approach to Law and Society. Walter de Gruyter, 2011. 388 p.

Поступила 14.07.2020

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института образовательных технологий и гуманитарных наук (105005, Москва, ул. Малая Почтовая, д.2/2, стр.8), vlmrochko@mail.ru

References

1. Gurvitch G. Sociology of Law. Transaction Publishers, 1973. 314 p.
2. Lyotard J.-F. Postmodern Fables. U of Minnesota Press, 1999. 272 p.
3. Lochhead J., Auner J. Postmodern Music/ Postmodern Thought. Routledge, 2013. 350 p.
4. Linstead S. Organization Theory and Post-modern Thought. SAGE, 2004. 188 p.
5. Lavelle A. The Death of Social Democracy: Political Consequences in the 21st Century. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 234 p.
6. Bajmatov P.N. Pravovye osnovy mehanizma realizacii konstitucionnogo prava na social'noe obezpechenie v Rossijskoj Federacii: monografija. M.: INFRA-M, 2019. 176 s.
7. Attarian J. Social Security: False Consciousness and Crisis. Routledge, 2017. 411 p.
8. Carney T. Social Security Law and Policy. Federation Press, 2006. 237 p.
9. Blinova E.A., Gribanova G.I., Eliseev S.M. Publichnaja politika: instituty, cifrovizacija, razvitie. M.: Aspekt press, 2018. 347 s.
10. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija: ego mify i struktury. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2006. 268 s.
11. Fuko M. Arheologija znanija. Kiev: Nika-Centr, 1996. 207 s.
12. Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi. II: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebno godu. SPb.: Nauka, 2014. 357 s.
13. Fuko M. Istorija bezumija v klassicheskuju jepohu. SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. 575 s.
14. Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebno godu. SPb.: Nauka, 2011. 543 s.
15. Rusakov S.S. Arheologija vlasti Mishelja Fuko: monografija. SPb.: Konovalov A.M, 2019. 184 s.
16. Gashkov S.A. Istorija i racional'nost': jepis-tema i istorija v rabotah Mishelja Fuko. SPb.: BGTU, 2018. 139 s.
17. Luhmann N. Theory of Society, Volume 1. Stanford University Press, 2012. 488 p.
18. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Wiley, 2012. 300 p.
19. Parsons T. Social System. Routledge, 2013. 636 p.
20. Teubner G. Critical Theory and Legal Autopoiesis: The Case for Societal Constitutionalism. Manchester University Press, 2019. 408 p.
21. Teubner G. Autopoietic Law — A New Approach to Law and Society. Walter de Gruyter, 2011. 388 p.

22. Bakken T. Autopoietic organization theory: drawing on Niklas Luhmann's social systems perspective. Abstrakt forlag, 2003. 299 p.

23. Luman N. Social'nye sistemy: ocherk obshej teorii. SPb.: Nauka, 2007. 641 s.

24. Ahn I. Position and Responsibility: Jurgen Habermas, Reinhold Niebuhr, and the Co-Reconstruction of the Positional Imperative. Wipf and Stock Publishers, 2009. 258 p.

Submitted 14.07.2020

Kovalev Andrey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Mrochko Vladimir Leonidovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the Institute of Educational Technologies and Humanities (105005, Moscow, Malaya Pochtovaya, 2/2, p. 8), vlmrochko@mail.ru